

Николаев Г.А. Из истории славяноведения в Казанском университете / Г.А.Николаев // II Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова: Материалы международной научной конференции. 12-14 сентября 2000 г.- СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.- С.201-203.

Казанский университет, как один из старейших университетов России (он был открыт в 1804 году), внес свой вклад в становление и развитие российской славистики. Достаточно назвать здесь некоторые имена казанских славистов: В.И.Григорович, М.П.Петровский, Н.М.Петровский, И.А.Бодуэн де Куртенэ и его ученики (Н.В.Крушевский, В.А.Богородицкий, А.И.Александров, С.К.Булич, А.С.Архангельский и другие), П.А.Ровенский, Д.А.Корсаков, Е.Ф.Будде, А.М.Селищев, Г.А.Ильинский, Д.Н.Овсяннико-Куликовский и др. В своем кратком сообщении я не смогу, конечно, более или менее полно охарактеризовать деятельность хотя бы одного из этих славистов (некоторые из них, как Бодуэн и его ученики, были не только славистами), поэтому я остановлюсь, наверное, на менее известных страницах истории казанской славистики.

Одна из таких страниц связана с деятельностью Николая Мисаиловича Ибрагимова, адъюнкт-профессора Казанского университета. Он был первым русистом и славистом только что открывшегося университета в Казани. Он родился в 1778 году, обучался в Московском университете и получил там блестящее по тем временам образование. В Казани он работал в мужской гимназии, а затем и в Казанском университете. Преподавал русский язык, славянскую грамматику, арифметику, русскую словесность (литературу). Был известным казанским поэтом, автором одного из вариантов русской народной песни "Во поле березонька стояла" и знаменитой "Вечерком красна девица На прудок со стадом шла", строчка из которой "С милым рай и в шалаше" стала народной поговоркой. Вот эти стихи: "Не ищи меня, богатый: Ты постыл моей душе. Что мне, что твои палаты? С милым рай и в шалаше"

Н.М.Ибрагимов был учителем С.Т.Аксакова, казанского гимназиста, а затем первого студента Казанского университета. Писатель очень тепло вспоминает о своем учителе: *"В числе других предметов, вместе с русским языком, преподавалась грамматика славянского языка, составленная самим преподавателем Николаем Мисаиловичем Ибрагимовым...(sic!). Этот человек имел большое значение в моем литературном направлении, и память его драгоценна для меня"* (Семейная хроника). Участвуя в конкурсе на должность адъюнкта кафедры русской словесности ("красноречия, стихотворства и языка русского"), Н.М.Ибрагимов к документам приложил, как он сам пишет, составленные им

1. общую грамматику
2. славянскую грамматику
3. российскую грамматику
4. две книги перевода с латинского на русской Овидиевых превращений
5. три рассуждения при публичных собраниях гимназии, мною произнесенных и
6. некоторые мелкие сочинения в стихах, напечатанные в Трудах выше упомянутого Общества"

Он просит *"ходатайствовать у начальства о производстве [его] в адъюнкты по русской словесности и особенно по славянскому языку"* [ЦГА РТ, ф. 977, ИФФ, № 7].

Н.М.Ибрагимов неоднократно выступал с актовыми речами в гимназии и университете. Любопытны заголовки этих речей: **"О преимуществе воспитания публичного перед частным"**, **"О любочестии и соревновании"**, **"О**

необходимости знания славянского языка для всякого благовоспитанного россиянина, а паче для россиянина-писателя". К величайшему сожалению, именно последняя речь его пока не обнаружена в казанских архивах; первые же две опубликованы. Можно сожалеть и о том, что в архиве сохранилось только одно цитированное выше дело Ибрагимова.

Н.М.Ибрагимов явился основателем первого в Поволжье литературного объединения - **"Общество вольных упражнений в российской словесности"** (1806), которое в дальнейшем перерастет в **"Общество любителей отечественной словесности при Казанском Императорском университете"**. Среди иногородних членов Общества мы находим имена С.Т.Аксакова, А.И.Тургенева, К.Н.Батюшкова, А.Ф.Мерзлякова, В.В.Измайлова, В.А.Жуковского, М.П.Каченовского, Н.М.Карамзина, В.В.Капниста и др. Почетными членами были Г.Р.Державин (посмертно) И.И.Дмитриев, А.С.Шишков, Д.И.Хвостов, граф А.К.Разумовский. Идеино это общество перекликалось с петербургским **"Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств"**. Между ними были тесные контакты, общие члены. И именно при поддержке петербуржцев в **"Сыне Отечества"** за 1814 г. была опубликована одна из дошедших до нас научных работ Н.М.Ибрагимова **О синонимах**. Всего же до нас дошло только две его научные работы. Вторая опубликована в 1817 году в Трудах Общества любителей отечественной словесности (т. I) - **О многозначительности и общем изменении слов**. В обеих работах Н.М.Ибрагимов выступает как передовой ученый-языковед своего времени.

Славистика к этому времени не оформилась еще содержательно и методически. Особые ее достижения связаны со сравнительно-историческим методом, первые работы, выполненные с применением которого, появятся вскоре в Европе и России. Основным объектом изучения славистов в начале XIX века был в основном церковнославянский язык. Судя по всему, славянская грамматика, составленная Н.М.Ибрагимовым, была тоже грамматикой церковнославянского языка.

Обращает на себя внимание теоретическая направленность научных работ Н.М.Ибрагимова, исторический подход к изучаемым фактам и использование диалектных данных. Все это весьма неординарно для ученого начала прошлого века. Так, в статье о синонимах мы находим довольно полную для того времени теорию синонимии. Прежде всего - весьма точную дефиницию синонимов, которые, по Ибрагимову, *"суть названия одной и той же вещи в разных ее отношениях, - суть слова, имеющие значение между собою общее и собственное каждому порознь"* (Сын Отечества, 1814, т. 11, № 4, с. 138). Фактически речь здесь идет об одном типе синонимов - понятийных (смысловых). Но Ибрагимов отмечает в языке наличие и стилистических синонимов, зависящих *"от различия слога высокого и даже подлого, в каком где она (синонима - Г.Н.) может иметь место"* (с. 142). И поясняет: *"У нас славяно-российские речения в высоком слоге, русские в обыкновенном, а площадные в подлом, означая одну и ту же вещь, имеют разное достоинство, напр.: гортань, горло, глотка">* (142).

Исторический подход Н.М.Ибрагимова к проблеме синонимии проявляется не только в том, что становление синонимии ученый связывает с определенным периодом развития языка (*"таких слов не могло существовать в первобытном языков состоянии, когда едва доставало выражений для вещей самонужнейших"*), отмечая роль мастеров слова (писателей) в становлении синонимии, которые употребляли *"однозначащие"* слова *"для избежания повторения и неприятного словотечения или те и другие вместе, для показания в языке богатства: сие можно подтвердить многими местами, не говорю из стихотворцев, которым часто или мера или рифма не позволяет наблюдать точности в выражениях, но из многих прозаических писателей, и даже, если угодно, школьными*

риториками, где оное словозаменение и многословие именно поставлено в правило слога" (140). Историзм взгляда Ибрагимов на синонимию проявляется и в рассуждениях о судьбах синонимов: "Общее значение синоним мало помалу исчезало, по мере того как различие их становилось более и более ощутительным, и наконец сравнение их остается только для сильнейшего противоположения" (143).

В то же время Ибрагимов, как это видно и из приведенных фрагментов его статьи, рассматривает синонимию и в функциональном аспекте, дает типы синонимии и проводит довольно тонкий для своего времени анализ некоторых синонимических рядов. Вот еще один из показательных фрагментов статьи: "Различие синоним, особенно весьма близких в смысле, показывается не иначе, как многими и часто многословными выражениями. Впрочем, не только слова с словами, но и целые выражения с словами (подавать помощь - помогать) и с выражениями бывают подобозначащие (перифразы), что составляет характер каждого писателя в одном и том же языке" (142). Таким образом, Н.М.Ибрагимов справедливо отмечает, что синонимия обнаруживается в контексте; при этом синонимичными могут быть не только слова, но слова и сочетания слов и разные словосочетания по отношению друг к другу. В последнем случае мы имеем дело с перифразами, которые определяют специфику языка каждого писателя.

Статья "**О синонимах**" более известна специалистам, чем другая его статья "**О многозначительности и общем изменении слов**" [1], опубликованная в первом (и единственном) томе Трудов Казанского общества любителей отечественной словесности (Казань, 1815). Это первая статья, в которой поднимаются вопросы о способах словообразования.

Может показаться невероятным, но задолго до великого Вильгельма фон Гумбольдта неизвестный казанский университетский преподаватель высказывает правильное мнение о двух путях образования слов в языке: образование слов путем "приращения складов" ("внешних наращений", по Гумбольдту) и путем изменений значения слова, расхождения "многозначительности" ("внутренней модификации" у Гумбольдта). Позднее, уже в наше время, эти выводы будут терминологически уточнены, и ученые будут говорить о двух способах словопроизводства - морфологическом (морфемном) и семантическом (безморфемном) [2].

Показательно, что автор в начале статьи говорит о развитии языка и связывает его с историей народа, с историей возникновения новых понятий. Эти новые понятия, возникающие в ходе деятельности человека, оформляются в словах двояко. "А.Сближаемы были новые понятия с понятиями уже известными, и сих словам для наречения оных даваемо было множайшее знаменование" (122). При этом Ибрагимов считает, что "многозначительность слов...принадлежит к внутреннему достоинству в языке" (122), в то время как "вовсе разнозначительные речения, сходные только в составе (омонимы - Г.Н.)..., относятся к недостаткам, хотя бы и внешним" (122). Ибрагимов еще раз подтверждает свою мысль, высказанную в первой статье, что синонимы, возникающие в связи с изменениями в значениях слов, представляют положительное явление, делающее язык "более выразительным и гибким" [3].

"Б. Другим источником обогащения языков, - продолжает Н.М.Ибрагимов, - служило определение или описание новых понятий через признаки понятий известных, и от названия сих, с некоторою переменою букв и складов, заимствовались названия для оных (черная жидкость - чернило)" (125). Разделив слова, по традиции, на первообразные (коренные) и производные, сложные и простые, Ибрагимов продолжает: "Перемена букв и складов для произведения и сложения речений обыкновенно бывает в конце (иногда в начале) первообразных и

простых слов, и состоит большей частью в приращении складов" (126). В статье Н.М.Ибрагимова мы находим общие догадки не только о суффиксации и префиксации, но и о разной степени сохранения связи производного слова с коренным, в частности, о нарушении этих связей в словах типа настечь, радуга, вертоград, будни и др.

Таким образом, мы имеем полное основание считать, что статьи Н.М.Ибрагимова являются значительной вехой в истории русской славистики "*в период, разделяющий появление грамматик Ломоносова и Востокова*" [4].

В 1835 году в уставе российских университетов появляется положение о необходимости создания в университетах кафедр славяноведения. Такие кафедры создаются в четырех самых известных тогда университетах России - Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском. Возглавили эти кафедры соответственно Бодянский, Прейс, Срезневский и В.И.Григорович.

С именем В.И.Григоровича связана новая страница в истории славистики в Казанском университете. Это, в отличие от Н.М.Ибрагимова, известный славист, жизнью и деятельностью которого интересуются специалисты как России, так и зарубежных научных учреждений. Я не буду останавливаться на заслугах В.И.Григоровича перед отечественной славистикой - они известны, как известны и его работы. Наверное, специалистам будет интересно узнать, что казанские архивы хранят довольно много документов, связанных с именем ученого, начиная от ответов его на экзаменационные вопросы на кандидатском и магистерском испытаниях, которые он имел именно в Казанском университете, хотя учился в университете Дерпта. Один только перечень предметов, по которым В.И.Григорович держал экзамен, впечатляет. Это греческая словесность, римская словесность, философия, русская словесность, немецкая литература, богословская и церковная история, общая история, русская история, русская и общая статистика, политическая экономия, государственные учреждения, французская литература. По каждому предмету было задано не менее пяти вопросов. Так, по российской словесности он имел следующие вопросы:

1. Общий взгляд на славянский народ и древние письменные его памятники
2. О славянской мифологии
3. О славянских наречиях
4. О драматической поэме
5. О различии древней драмы и новой
6. О Ломоносове и Державине как лириках [ЦГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 312].

Как видим, половина всех заданий была посвящена славянской филологии. Экзамен был сдан на "очень хорошо", за исключением богословия и французской литературы ("хорошо"). Экзаменом руководил декан историко-филологического факультета знаменитый Осип Ковалевский; диплом кандидата подписан ректором Казанского университета Публичным Ординарным профессором чистой математики Действительным Статским Советником и разных орденов кавалером Николаев Лобачевским. Темы кандидатской и магистерской диссертаций соответственно - **"Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям"** и **"Опыт литературы словен в ее главнейших эпохах"** [ЦГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 337).

В отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета сохранились студенческие записи лекций по старославянскому языку профессора В.И.Григоровича. Лекции эти пока не изучены, хотя и любопытны по многим параметрам. Так, например, интересны мысли профессора о Реймском Евангелии, которое, как он считал, написано в очень ранней манере, что свидетельствует о действительно большой древности рукописи.

Сравнивая два экземпляра конспектов лекций, мы обнаружили, что они совпадают почти слово в слово. Это позволило получить представление о манере чтения лекций тогдашними профессорами университетов: они действительно читали тексты лекций, сидя за кафедрой. Становятся понятными в связи с этим те восторги, которые публиковали в своих воспоминаниях студенты о манере чтения лекций молодым доцентом Бодуэном де Куртенэ, который не по бумагам, а с мелком в руке, расхаживая по аудитории, как бы вслух беседовал со слушателями, приводя языковые факты и вместе с аудиторией обсуждая их.

Между прочим, В.И.Григорович, будучи уже профессором Новороссийского (Одесского) университета, активно содействовал тридцатилетнему польскому философу и языковеду Яну Бодуэну де Куртенэ получить работу в Казанском университете. Известно, что рассматривая просьбу Бодуэна включить его кандидатуру на замещение вакантной должности доцента кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков Казанского университета, совет историко-филологического факультета, а конкретно его декан Н.Н.Булич, сочли его кандидатуру неподходящей, поскольку основные работы Бодуэна (его магистерская и докторская диссертации) были посвящены проблемам славистики и не были связаны с санскритом, балтийскими и другими индоевропейскими языками. Было даже предложение отдать Бодуэну часть кафедры славянских наречий. И лишь по рекомендации профессора В.И.Григоровича и декана историко-филологического факультета Петербургского университета профессора И.И.Срезневского Бодуэна избрали доцентом Казанского университета, но после того как он представил в совет список и экземпляры своих научных публикаций, а также программу лекций по языковедению.

С именем И.А.Бодуэна де Куртенэ и созданной им Казанской лингвистической школы связан новый этап в развитии славяноведения в Казанском университете. О работах Бодуэна, Н.В.Крушевского, В.А.Богородицкого, С.К.Булича и других "казанцев" известно уже значительно больше и значительно большему кругу интересующихся историей российской славистики. Если Бодуэн и его ученики занимались вопросами славянского языкознания, то кафедра славянской филологии, возглавляемая М.П.Петровским, имела литературоведческий уклон. Правда, в этой области казанская славистика не имеет таких громких успехов, как в области изучения славянских языков, хотя Бодуэн и его ученики занимались в основном проблемами общего языкознания и Казанская лингвистическая школа была школой теоретического языкознания. Но основные теоретические открытия были сделаны казанскими учеными на славянском языковом материале.

Стремление изучать живые языки приводило казанских славистов в ежегодные заграничные поездки по славянским странам. Чаще всего они исследовали южнославянский языковой регион. Наибольших успехов в изучении этих языков, пожалуй, достиг А.М.Селищев. Это был последний крупный славист, воспитанный в Казанском университете.

Когда раньше говорили, что в истории того или иного феномена выделяется два периода - до- и послереволюционный, то нередко за этим не скрывалось ничего, кроме тогдашней традиции. Но применительно к славянской филологии в Казанском университете такое деление наполнено смыслом, можно сказать, трагическим смыслом. В 1921 году в университете был аннулирован историко-филологический факультет и открыт снова лишь в 1939 году. К этому времени прервалась традиция КЛШ, ушел из жизни последний ее представитель - В.А.Богородицкий, ученого приемника которого - Галимжана Шарафа - репрессировали в 30-е годы. К сожалению, до сих пор в Казанском университете не восстановлена кафедра славянской филологии, хотя намерения определенные в этом плане имеются. Очень хочется верить в то, что это произойдет в первые годы нового века и тысячелетия.

Примечания:

1. См. несколько слов о Н.М.Ибрагимове и его статье "О синонимах", в предисловии к сборнику...
2. См.: Вопросы теории словообразования в трудах представителей Казанской лингвистической школы // *Slavia orientalis*. - Warszawa, 1978. - № 3. - S. 419.
3. Сорокина Э.И. Из истории изучения вопросов теории русского словопроизводства // Тезисы докладов межвузовской лингвистической конференции по вопросам теории русского словопроизводства. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1958. - С. 29.
4. Сорокина Э.И. Там же, с. 30.